

Замордовали детство. Упекли
доверчивую юность за решётку.
Спасибо и на том, что не смогли
законопатить песенную глотку.

Бранить за лопоухую вину —
из сивого “сегодня” — день вчерашний.
Не мне: к себе — по жизненному дну —
продравшемуся с прытью черепашьей.

И русской правды коренную суть
постигшему — не на чужом примере:
лишь тот вершить достоин честный суд,
кто в человеке — в человека — верит...

И взмыл залиvistый звонок
над грустным школьным праздником:

последний кончился урок
вчерашних одноклассников.

Звенел, звенел, звенел звонок —
пронзительный — без роздыха.
И горло запаял комок
расплавленного воздуха.

Застыл, казалось, звон звонка —
настойчиво-напористый.
И обвалились облака
в глаза — лавиной пористой.

Звенел — знобящий мозг — звонок
над школьною державою...
И грохнул в рельсу молоток —
под небом в клетку ржавую.

И снова задан мне урок —
на восемь зим единственный...
Звенел, звенел, звенел звонок
наивности воинственной...

3

Читатель, пусть единственный, но — мой,
созвучный мне по камертону сердца,
ты слышишь элегическое скерцо
в сонате — всеобъёмной и немой?

Ровесник мой (да и не мой хотя б),
ты помнишь-видишь (что одно и то же)
с той — человеку лишь доступной — дрожью
тот — памятный для каждого — сентябрь?

Ты слышишь тот — запаянный звонок?
Ты чуешь запах парты — первой самой?
Букварь? И Машу, моющую рамы?
И кляксу подлюю — меж чистописных строк?..

Пресветло-лопоухие года...
По совести, пресветлые не очень —
в реальности послевоенно-отчей.
Но лучших нам — не видеть навсегда.

Где — знали (не забыли и теперь):
Нехорошо — когда другому плохо,
хотя и “чрезвычайная” эпоха
была отнюдь не травоядный зверь...

Осанну не слагающий судьбе
и дичь её хулой не поминая,
я шлю поклон — под “Школьный вальс” — тебе,
кто был милей порой, чем мать родная.

Прими же забубённый мой поклон.
Школяр, что был когда-то среди первых —
в учёбе и в игре на взрослых нервах,
и нынче первый — средь последних — он...

Сейчас бы — хоть на самый малый срок —
в тот ералаш за партой — первой самой.
В чернильных кляксах Маша моет рамы,
и я за классный выставлен порог.

А за порогом: горе — не беда,
базарная гармошка, нищих пьянка,
фронтовиков калечных “жизнь-жистянка”,
жмых — в городе, в деревне — лебеда.

И всласть — попасть (да сдуру не пропасть)
в заманно-беспризорные задворки,
где благовали урочки разборки
и банковала финских “перьев” власть.

Барачно-коммунальная среда.
Заплаты — от зарплаты до зарплаты.
Шинель в обнимку с лагерным бушлатом.
Увод “врагов народа” в никуда.

Где пели мы, что “Сталин дал приказ
поймать училку, выбить правый глаз”,
не чая, что гулаговской эпохой
за лопухость взыщется и с нас.

Но, не пеняя клетчатой судьбе
и дичь её хулой не поминая,
я — безукорно — помню о тебе,
моих начал страница прописная.

Врачуи же от беспамятства меня
из той — для всех неотвратимой — дали.
Ведь мы страну едва не проморгали,
стреляя по своим средь бела дня...

Читатель, мой неведомый судья,
созвучный мне по камертону духа,
очередная русская проруха
да не порушит душу у тебя.

И если под отрадой болевой
сентябрьско-ностальгического вальса
с наставницею первой повстречался
случайно ты — пусть не ровесник мой,

то — будь не в лад он и совсем некстати —
и мой поклон ей передай, читатель...

4

Как жизнь, стихия — полосата.
И в день, что сам — как полоса,
лавинно-пасмурною ватой
с утра душило небеса.

И моросил, как в песне старой,
туманный дождик — вкось и впрямь.
А полдень солнечностью яркой
развевал облачную рвань.

И загулял в багряном гуле
на пограничье сентября
погожий ветер — как в июле,
рубахи скверов пузыря.

И лишь восторженность мордашек
спешащих в школу первоклашек
напоминала — и всерьёз,
что осень жизни — в полный рост...

5

Когда хлестнёт нахраписто и яро
октябрьский свист, не помнящий родства,
и серую линейность тротуара
взгорбатит изнемогшая листва;

когда сквозь туч клубящиеся щели
забрезжит зыбкий и знобящий свет,
в безликость улиц, словно бы без цели,
вновь выхожу искать миражный след.

И как бы мысль лукаво ни петляла,
в какой бы ни влобастилась уклон,
я не миную сквозняка вокзала
и выйду на простуженный перрон.

А через час походкою таранной
спикирую — в бездонное “вчера”.
И вот она, страна обетованная —
галактика пришкольного двора.

И снова мне — полуседому — восемь.
Заполучив жирнейший “кол” в дневник,
топорщусь я, взъерошенный, как осень,
один из первых, впрочем, ученик...

Иные память ворошит страницы,
которым я — ответчик и судья.
Где табель мой?.. Поставь мне единицу,
учительница первая моя...